

УДК 81'37
ББК 81.03

А.М. Мухамеджанова

**ТЕРМИНЫ
И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ
СЛОВСОЧЕТАНИЯ
КАК ИСТОЧНИК
ОБРАЗНОСТИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М. ШОЛОХОВА**

Статья посвящена терминам и терминологическим словосочетаниям как источнику образности в художественных текстах М. Шолохова. Рассматривается использование терминологических языковых единиц в качестве сравнений и их переносное метафорическое и метонимическое употребление. Также выделяются и анализируются нетрадиционные приемы реализации терминологических языковых единиц в системе художественно-изобразительных средств произведений донского писателя.

Ключевые слова: *термин, терминологическое словосочетание, образная функция.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-168-176

Мухамеджанова Алина Михайловна – аспирант кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-906-429-03-04
E-mail: alina080791@yandex.ru

Обращаясь к творчеству М. Шолохова, исследователи отмечают самобытность и уникальность художественного повествования. Язык произведений донского писателя отличается высокой образностью и экспрессивностью. Данные свойства текста обеспечивают средства художественной изобразительности.

Наша работа посвящена исследованию таких источников образности и экспрессивности в произведениях М. Шолохова, как термины и терминологические словосочетания.

В текстах писателя образная функция терминологических языковых единиц находит свою реализацию, как правило, при их использовании в качестве сравнений, а также при их переносном метафорическом и метонимическом употреблении.

Рассмотрим использование терминов и терминологических словосочетаний в составе сравнений.

Терминологические языковые единицы в прозе донского писателя могут быть включены в состав нераспространенных сравнений: *Слышу единственное холодное, сдерживающее, как удила: «марш-марш!» – и летим* (Тихий Дон); а также могут являться компонентами распространенных сравнений: *Ветром стлживало их, и они звенели, как стальные стремяна. Будто конная невидимая рать шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая оружием и стремянами* (Тихий Дон).

Образные сравнения, построенные на основе однословных и многословных терминов, в ху-

дожественной прозе М. Шолохова могут быть выражены оборотом со сравнительным союзом; существительным (существительным и прилагательным) в творительном падеже; сочетанием слов *похожие на*; сравнительной степенью прилагательного или наречия; самостоятельным предложением, начинающимся союзом так и т.д. Стоит отметить, что также используется развернутое сравнение. Применяя различные грамматические средства в сравнениях, писатель избегает однообразия в повествовании.

М. Шолохов в своих произведениях использует как устойчивые (узуальные) сравнения, которые в свою очередь выступают как компаративные фразеологизмы – *реветь как бугай, кормить как на убой, как жеребец* и т.д., так и индивидуально-авторские (окказиональные) сравнения – *как под лемешом, как конский круп, как ухналь в подкове*, и т.д.

Включение в текст случаев окказионального употребления терминологических языковых единиц в составе сравнений является средством создания необычных, ярких образов, а также служит для дестандартизации языка.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда термины и терминологические словосочетания подвергаются семантико-стилистическим преобразованиям в процессе метафоризации.

Говоря о метафорическом употреблении терминов и терминологических словосочетаний в произведениях М. Шолохова, необходимо отметить, что наряду с использованием терминологических языковых единиц, чьё переносное значение фиксируется в толковых и фразеологических словарях, метафоризации подвергаются термины и терминологические словосочетания, которые ранее употреблялись только в прямом номинативном значении. Другими словами, здесь мы имеем дело с окказиональным метафорическим переосмыслением. Стоит отметить, что окказиональные метафоры на основе терминологических языковых единиц, как и сравнения, более образны и экспрессивны. Они ярче демонстрируют индивидуально-авторское мышление. Дают яркую авторскую характеристику.

Можно привести ряд примеров окказионального метафорического переосмысления однословных терминов: *Лопнула **вожжина** дружбы, раньше соединявшая их* (Тихий Дон); *Как-то около полуночи он, отдыхая, сел на подоконник покурить и тут впервые по-настоящему услышал петушиный **хорал*** (Поднятая целина); *Я тебя ничем не оскорбила, и я ждала, что ты мне развяжешь руки и скажешь, что ты ушел навовсе, а ты **отроился** от хутора и молчишь, как мертвый* (Тихий Дон).

Приведем также примеры окказионального метафорического переосмысления терминологических словосочетаний: *С этого дня в **калмыцкий** узелок завязалась между Мелеховыми и Степаном Астаховым злоба* (Тихий Дон); – *С появлением голубей у него заметно прибавилось забот: надо было вовремя сыпать им корм, менять в миске воду, так как лужа возле порога вскоре пересохла, а помимо этого, крайняя необходимость заставляла нести **караульную службу** по охране жалких в своей*

беззащитности голубей (Поднятая целина); *На нем ловко сидела сильно поношенная бобриковая куртка, туго перетянутая солдатским ремнем; аккуратно заштопанные и залатанные защитного цвета штаны и старенькие сапоги, по самый верх голенищ покрытые серой коркой грязи, тоже, как видно, дослуживали **сверхсрочную службу** у своего владельца (Поднятая целина).*

Исследуя вопросы метафоризации терминологических языковых единиц в произведениях М. Шолохова, можно выделить следующие виды функционирования оттерминологических образных языковых единиц.

1. Однословный термин, пройдя процесс метафоризации, преобразуется в однокомпонентную образную единицу: *В это время из «резерва», составленного из баб, стариков и подростков, в боевую цепь проникло несколько баб поотчаянней и **гурт** ребятишек (Тихий Дон); – **Кремнем** раньше был, с баржи мешки по восьми пудов таскал, а теперь? Подкосил меня Гришка трошки... (Тихий Дон); С той поры он стал каждую ночь ожидать петушиной **побудки** и с наслаждением вслушивался в командные голоса ночных певцов, презирая в душе соловьиные лирические выщелки и трели (Поднятая целина).*

2. Однословный термин является базой для создания экспрессивного фразеологизма, основанного на метафоре: *Про жену не забывай, мой тебе приказ. Она ласковая баба и в законе с тобой. Ты **борозду** не ломай и отца слухай. (Тихий Дон); – А то у тебя у самого дома баба **из хомута не вылазит**, знаем точно! А ты усы распушил, разбезджаешь на конике, народ мутишь (Тихий Дон); В этот день над Гремячим Логом, над полой водой, над степью, надо всем голубым миром с юга на север, в **вышней** просторной **целине** спешили, летели без крика, без голоса станицы чернокрылых казарок и диких гусей (Поднятая целина).*

3. Термин используется в составе пословицы в переносном метафорическом значении: *Я, Елизавета Сергеевна, отказываюсь. **Вот вам хомут и дуга, а я вам больше не слуга!** (Тихий Дон); – Люди – что овцы: куда баран, туда и весь табун (Тихий Дон); – Наплюй на него, бабонька. **Была б шея, а ярмо будет** – с нескрываемым сожалением посоветовала одна (Тихий Дон).*

4. Переосмыслению подвергается не сам однословный термин, а производная от данного термина лексема: *маштак – маштаковатый – Небольшой, а **маштаковатый**, гля, у него шеяка, как у доброго бугая! К нам для приплоду прислали, - засмеялась одна, щуря на Давыдова круглые серые глаза (Поднятая целина); бугай – бугайный – Он упорно, с **бугайной** настойчивостью, ее обхаживал (Тихий Дон); анафема – анафемский – Какую силу забрали наши **анафемские** бабы! (Поднятая целина).*

5. Однословный термин используется в переносном метафорическом значении как добавочный компонент в уже существующем клише: *броневой – честное броневое слово – Угощай, не ломайся, а как только Берлин займем, пивом угощу, **честное броневое слово!** (Они сражались за Родину).*

6. Терминологическое словосочетание, пройдя процесс метафоризации, может преобразоваться во фразеологическую единицу, если данное переносное значение узуально закреплено. Приведем ряд примеров: *Не буду ее обругивать и досаждасть ей, а буду терпеливо дожидаться мировой революции, которая всех нас – ее врагов мирового масштабу – подведет под **точку замерзания*** (Поднятая целина); – *А мы разве кормим? У нас армия – на **подножном корму*** (Тихий Дон); – *В будущих войнах роль кавалерии **сведется к нулю*** (Тихий Дон).

7. Если же терминологическое словосочетание метафорически переосмысливается окказионально, то многословный термин трансформируется в окказиональную образную языковую единицу, генетически восходящую к терминологической. Примеры см. выше.

Для творчества М. Шолохова характерно использование терминологических языковых единиц как для «проходных метафор» (термин Б.В. Тимошевского), так и для создания развернутой метафоры.

В шолоховских текстах развернутая метафора, базой для которой послужили слова и словосочетания, обозначающие в прямом значении наименование реалий определенной сферы деятельности, может проявляться на разных уровнях текстового членения.

1. На уровне предложения. Например:

– *Ты им работу поставь на ноги и мотай назад. Это, брат, не диво, пахать-то. Хороший **командир** не должен **в цепи идти**, а должен умно **командовать**, вот что я тебе скажу!* (Поднятая целина).

2. На уровне сложного синтаксического целого. Например:

<...> *Кто вас ведет? – царский генерал Корнилов. Для чего ему надо стихнуть Керенского? Чтобы самому сесть на это место. Смотрите, станичники! Деревянное **ярмо** с вас хочут скинуть, а уж ежели наденут, так наденут стальное! <...>*

– *Ты вот про **ярмо** гутарил... А большевики, как заграбают власть, какую **ярмо** на нас наденут?*

– *Ты что же, сам на себя будешь **ярмо** надевать?* (Поднятая целина).

3. На уровне одной главы.

Например, сквозь призму военной терминологии, рассматривается ситуация, когда один из героев романа «Они сражались за Родину» Петр Лопахин предпринял попытку завести романтические отношения с женщиной с целью получить от нее еды для себя и своих сослуживцев.

Так, в одной из глав романа начало операции Петра Лопахина его сослуживец, наблюдавший за происходящим, характеризует так: – **Выдвинулся на исходные позиции**, но все равно он не пройдет!. Потом военная метафора продолжает разворачиваться следующим образом: – *Не продвигается! И чего он топчется на **исходных**? О, зараза! Он пока выйдет на линию огня, всю душу из нас вымотает! О господи, послали же такого торопыгу. К утру он, может, и доползет до сеней...*

После того, как Петр Лопахин потерпел неудачу в своем деле, он охарактеризовал это как *Непредвиденная осечка!* В заключение, подводя итоги своей операции, персонаж в своей речи использует следующую

фразе, основанную также на военной метафоре: – *Ну, теперь можно и спать. Атака моя отбита. Отступил я в порядке, но понеся некоторый урон, и ввиду явного превосходства сил противника наступления на этом участке не возобновляю.*

4. Метафорический образ может разворачиваться в пределах нескольких глав.

Развертывание метафорического образа в пределах нескольких глав, можно проиллюстрировать тем фактом, что за две главы до вышеописанных событий, когда Петр Лопахин только решил провести свою операцию, он использовал следующую фразу, основанную на военной метафоре: – *На сегодня многого не обещаю, буду знакомиться с обстановкой и вести разведку боем, а уж завтра утром накормлю вас всех – во!*

Данная фраза послужила началом развернутой военной метафоры, которая распространилась на другую главу романа.

Таким образом, используя развернутую оттерминологическую метафору, писатель показывает, как человек воспринимает определенные ситуации, опираясь на предыдущий жизненный опыт.

В качестве иллюстрации метонимического переосмысления терминологических языковых единиц могут послужить следующие примеры: *Вот был, к примеру сказать, у нас в дивизии бас – на всю армию бас!* (Поднятая целина); *К этому времени отряды Алексеева уже насчитывали более тысячи штыков* (Тихий Дон).

Нами было также замечено, что в прозе М. Шолохова метонимически переосмысленная терминологическая языковая единица может употребляться в сравнении: *Там, где шли бои, хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали* (Тихий Дон); *С черного неба падала иглистая пороша, на Дону раскатисто, пушечными выстрелами лопался лед* (Тихий Дон); – *Га-а-а-а! – снарядным взрывом лопнул крик* (Тихий Дон);

Проанализируем более подробно следующий пример: *Около стола, как взвихренные ветром, заколебались серые красноармейские папахи, закачалась сизая щетина штыков, к столику протянулись сжатые в кулаки руки, по площади, как выстрелы, зазвучали озлобленные короткие вскрики <...>* (Тихий Дон).

Лексема *выстрел* в Словаре военных терминов определяется следующим образом: «процесс выбрасывания снаряда (мины, гранаты, пули) из канала ствола артиллерийского орудия, миномёта, гранатомёта, стрелкового оружия за счёт энергии газов, образующихся при взрывчатом превращении (го-рсипп) метательного заряда» [Плехов, Шапкин, 1988]. Однако в анализируемом предложении данная лексема употреблена в переносном метонимическом значении: «Звук, сопровождающий воспламенение заряда и вылет снаряда, пули из канала оружия» [Евгеньева]. Таким образом, крики людей сравниваются не с процессом выбрасывания снаряда из канала ствола орудия, а со звуком, сопровождающим данный процесс.

Стоит отметить, что в прозе М. Шолохова помимо сравнения, метафоры и метонимии имеют место и другие приемы реализации терминологических языковых единиц в системе художественно-изобразительных средств. Термины теряют свои первичные номинативные значения и приобретают новые, которые, однако, не зависят от первоначальных значений терминологических языковых единиц.

Один из героев романа «Поднятая целина» дед Щукарь самостоятельно наделяет термины из различных сфер новыми нетерминологическими значениями и использует их в своей речи. Приведем примеры: *Ну, многие слова я и без всяких пояснений понимаю. К примеру, что означает: «монополия»? Ясное дело – кабак. «Адаптер» – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. «Акварель» – это хорошая девка, так я соображаю, а «бордюр» – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба, <...> (Поднятая целина); *Подумаешь, адаптер какой нашелся! Да я с тобой разделяюсь так, что одни **анфилады** от тебя останутся, факт!* (Поднятая целина).*

Стоит отметить, что в зависимости от характера коммуникации, новые значения терминов могут изменяться. Так, в ситуации, когда дед Щукарь ругался со своей старухой, он использовал в качестве бранных слов термины *астролябия* и *апробация* в сочетании с прилагательным *старая*: *Ты начисто одурела, старая **астролябия!*** (Поднятая целина); *Понятно тебе, старая **апробация?*** (Поднятая целина). Однако когда герой понял, что необходимо заглазить свою вину, оправдываясь, он в своей речи придал значениям данных лексем положительные коннотации: *Это все едино: что душенька моя, что **астролябия**... По-простому сказать – «милушка ты моя», а по-книжному выходит «**апробация**»* (Поднятая целина). Таким образом, здесь герой романа «Поднятая целина» проявляет непоследовательность в своем индивидуальном использовании данных слов.

Новые значения терминов мотивированы не прямыми значениями, а фонетической структурой лексем. Другими словами, данные значения мотивированы индивидуальными ассоциациями героя романа, которые вызывают у него фонетические структуры терминологических единиц. Например, термин *астролябия*, применяемый в астрономии и геодезии, определяется следующим образом: «угломерный прибор, служивший до 18 в. для определения широт и долгот в астрономии, а также горизонтальных углов при землемерных работах» [Естествознание, <http>]. В тексте писателя, как уже было отмечено выше, термин *астролябия* сначала употребляется в качестве бранного слова, а затем определяется как «душенька моя», что в свою очередь было мотивировано характером коммуникации. Отсюда следует, что терминологическое значение лексем абсолютно не связано с ее новыми контекстуальными значениями, которые являются для читателей неожиданными и необычными. Таким образом, посредством использования такого приема реализуется экспрессивность лексем и всего высказывания, что привлекает внимание читателей.

Приведем другой пример использования термина в системе средств художественной изобразительности произведения, когда прямое терминологическое значение лексемы не влияет на ее приобретенное контекстуальное значение. В качестве примера нам послужит фрагмент романа «Тихий Дон», который представляет собой диалог между Григорием Мелеховым и Копыловым: *И, как всякий безграмотный человек, ты имеешь необъяснимое пристрастие к звучным иностранным словам, употребляешь их к месту и не к месту, искажаешь невероятно, а когда на штабных совещаниях при тебе произносятся такие слова из специфически военной терминологии, как **дислокация, форсирование, диспозиция, концентрация** и прочее, то ты смотришь на говорящего с восхищением и, я бы даже сказал, с завистью. <...>*

– *Не желаю учиться вашим обхождением и приличиям. Мне ониazole быков будут ни к чему. А бог даст – жив буду, – мне же с быками возиться и не с ними же мне расшаркиваться и говорить: «Ах, подвиньтесь, лысый! Извините меня, рябый! Разрешите мне поправить на вас ярмо? Милостивый государь, господин бык, покорнейше прошу не заламывать борозденного!» С ними надо покороче: цоб-цобэ, вот и вся бычина **дислокация** (Тихий Дон).*

В приведенном фрагменте текста термин дислокация в речи Григория Мелехова используется в образной функции, однако в данной ситуации прямое значение военного термина не важно, существенен лишь сам факт, что лексема изначально является военным термином. На месте слова *дислокация* могла оказаться любая другая лексема из военной терминологии, которая ранее была употреблена собеседником Григория Мелехова. Проведем небольшой эксперимент и заменим лексему *дислокация* на лексему *диспозиция*:...«Милостивый государь, господин бык, покорнейше прошу не заламывать **борозденного!**» С ними надо покороче: цоб-цобэ, вот и вся **бычина диспозиция** (Тихий Дон). Несмотря на то что была произведена замена, ни значение высказывания, ни образный эффект практически не изменились.

Использование военного термина *дислокация* в таком контексте (стоит обратить внимание, что фонетическая структура термина искажена: *дисклокация*) показывает, что, несмотря на тот факт, что жизнь Григория Мелехова в данный момент неразрывно связана с войной, в будущем он хочет посвятить себя сельскому хозяйству, и именно поэтому знание специфической военной терминологии для него не является полезным и необходимым.

В целом, термины и терминологические словосочетания как средства художественной изобразительности отличаются высокой образностью, а также экспрессивностью, которая рассматривается как свойство выразительности речи, имеющее «свои репрезентанты в сфере оценки, эмоциональности и интенсивности» [Меликян, с. 73].

Терминологические языковые единицы в произведениях М. Шолохова могут использоваться в качестве таких источников образности и экспрессивности, как метафора, метонимия и сравнение. Однако

М. Шолохов как настоящий мастер литературного творчества использует нетрадиционные приемы реализации терминологической языковой единицы в системе художественно-изобразительных средств произведений, наделяя ее абсолютно новым значением, которое, однако, не является переносным, так как приобретенное значение терминологической языковой единицы не зависит от прямого значения, определяющего реляцию из какой-либо специальной сферы деятельности человека.

Терминологические языковые единицы как образные и экспрессивные компоненты языка произведений М. Шолохова могут служить средством создания необычных образов, давать яркие характеристики человека и окружающей его действительности, наделяя повествование особой выразительностью и оригинальностью.

Литература

Ваганов А.В. Сравнения в языке произведений М.А. Шолохова. Ростов н/Д., 1992.

Меликян В.Ю. Категории оценочности, эмоциональности, интенсивности и экспрессивности: толкование и характер взаимодействия // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: монография. Ростов н/Д., 2012.

Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1985.

Словари

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т.: 4-е изд. М., 1999. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 20.09.2015).

Естествознание. Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/nhistory/> (дата обращения: 20.09.2015).

Плехов А.М., Шапкин С.Г. Словарь военных терминов. М., 1988. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/military> (дата обращения: 19.09.2015).

References

Vaganov A.B. Sravneniya v yazyke proizvedenii M.A. Sholokhova. Rostov-na-Donu, 1992.

Melikyan V.Yu. Kategorii otsenochnosti, emotsional'nosti, intensivnosti i ekspressivnosti: tolkovanie i kharakter vzaimodeistviya // Sovremennyyi russkii yazyk: aktual'nye voprosy teorii i metodiki prepodavaniya: monografiya. Rostov-na-Donu, 2012.

Sholokhov M.A. Sobr. soch.: v 8 t. M., 1985.

Dictionaries

Evgen'eva A. P. (red.) Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: 4-e izd. M., 1999. T. 1. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (data obrashcheniya: 20.09.2015).

Estestvoznanie. Entsiklopedicheskii slovar'. [Elektronnyiresurs]. URL: <http://enc-dic.com/nhistory/> (data obrashcheniya: 20.09.2015).

Plekhov A.M., Shapkin S.G. Slovar' voennykh terminov. M., 1988. [Elektronnyiresurs]. URL: <http://enc-dic.com/military> (data obrashcheniya: 19.09.2015).

Makhamedganova A.M. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Terms and terminological combinations as a source of image in M. Sholokhov's works

The article researches the sources of imagery and expressiveness in the works of M. Sholokhov, as the terms and terminological combinations.

The texts of the writer shaped the function of terminological linguistic units in its implementation, as a rule, when they are used as a comparison, as well as their figurative metaphorical and metonymic use.

However, M. Sholokhov as a true master of literary work uses non-traditional methods of realization of terminological linguistic unit in the art-works of pictorial means, giving it a completely new meaning, which, however, is not portable because acquired value of terminological linguistic unit does not depend on the direct meaning of the defining reality of a special sphere of human activity.

So, the new meaning of the terms may not be motivated to direct meaning, and the phonetic structure of the units. In other words, these meanings are motivated by individual associations of the hero of the novel, which cause a phonetic structure of terminological units.

Also it is analyzed example, when the term of the military sector in the speech of a character realized the function, however, in this example, the term itself is not important, only the essential fact that the unit is a military term.

Key words: *term, terminological combination, image function.*

Mukhamedganova Alina Mikhailovna – assistant of Ibero-American philology dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Ph.: 8-906-429-03-04; e-mail: alina080791@yandex.ru